

Не зарекайся!

Слово это я знал давно, и смысл его знал из известной народной поговорки: «Зарекалась ворона говна не клевать, да по сю пору клюёт».

Сейчас я хочу рассказать о как бы роковом, фатальном содержании в этом слове, предсказуемости что ли, нашей судьбы, заложенном в нём. Судите сами.

Жила у нас в музее, в домике на хозяйственном дворе старушка одна. Звали её все «баба Варя» в глаза, а за глаза «бабка Варя» да «бабака Варя» — маленькая, сухонькая, с птичьей трелью в голосе и с невероятной тягой к музейным «новостям».

Однажды подходит ко мне мой старший коллега Пётр Иванович, наклонил к моему правому уху свою большую голову и пробурчал: «Слышишь, как трещит?» Я понял. Ему надо похмелиться. А где взять? Посмотрел он внимательно на меня и говорит: «Давай сходим к бабке Варя, займём у неё под тебя троячок. Мне она не даст, я и так ей много должен».

Здесь читатель вправе спросить, откуда могут быть деньги у бедной пенсионерки, да ещё на водку. А ларчик просто открывался.

В течение многих лет бабка Варя экономила на всём. Постоянная её пища была чай, хлеб да картошка, а гардероб летом состоял из сарафана да душегрейки, зимой — куцее пальтишко на вате да тёплый платок на голове, да валенки на ногах почти девять месяцев в году. Скопила триста рублёв, которых как раз хватало на гроб, на копку могилы, саван и, конечно же, на поминки. Для покойной русской души поминки — это самое главное. И вот эти кровные триста рублей бабка пускала в оборот. Нет-нет, не в смысле дохода, а от доброты сердечной давала в долг бывшим своим сослуживцам. Посреди домика её стояла большая русская печь, на одной из стенок которой был карандашом выведен чёрный список должников.

Делать было нечего. Мы пошли к бабке Варя. Стучим. «Входите, входите!» — кричит она нам, и её звонкий голос прямо-таки прошивает довольно плотную дверь. Она ждала нас. Окошки домика выходят на двор, и всех идущих к ней она хорошо видела.

— А, это ты, рыжий чёрт, опять идёшь? — запричитала она, увидев Петра Ивановича. — Знаю, знаю! Зачем! Посмотри, сколько ты мне должен! — и ткнула пальчиком в заветный список. — Всего сто рублёв осталось от трёхсот-то. Одному дай, другому дай, а окромя этих денег, ты сам знаешь, у меня нет. Вот умру в одночасье, — продолжала она, — чай немолодая, скоро девятый десяток пойдёт, а на что хоронить-то будете, на шиши какие?

— Полно, полно, баба Варя, на музейные деньги с музыкой похороним тебя, не беспокойся! — с надеждой в голосе произнёс Пётр Иванович.

Тут бабка так и вскинулась. Подскочила к сидящему за столом Петру, поведя пальчиком у него перед носом, прокричала: «Ну, чёрт рыжий (надо заметить, что он до самой смерти носил красный цвет волос), не зарекайся! Ещё посмотрим, кто кого захоронит! Может, я тебя первая похороню, так-то», — и засмеялась своим переливчатым голосом.

И что вы думаете? Не прошло и трёх лет после этого случая, как умирает мой коллега неполных 63 лет, а за гробом шла 83-летняя бабушка Варя, пережившая его лет на пять или семь, не помню уже теперь.

С тех пор я никого не хоронил впрок.